

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

КОГДА в новогоднюю ночь время приближалось к двенадцати, каждый из нас то и дело поглядывал на часы, чтобы как-нибудь не пропустить в веселой праздничной суматохе торжественность минуты наступления Нового года, чтобы успеть, спешно разлив по бокалам шампанское, стоя выпить с друзьями, приветствуя его прибытие.

Новый год пришел к людям точно по расписанию, не опоздав за последние тысяча девятьсот пятьдесят семь лет ни на одну долю секунды. Что-то, а уж вечный ход времени, казалось бы, не может измениться никогда: минута — всегда минута, день есть день и год равен году. И вдруг оказалось — не равен!

Оказалось, что время — весьма относительная категория и зависит прежде всего от того, что в него вкладывает человек. В один и тот же сосуд можно плеснуть немножко мутной болотной водицы на доньшко и можно напоянить его до краев прозрачной ключевой водой или драгоценным вином.

Механический отсчет минут и дней еще мало что определяет. Минута не равна минуте: она равна вложенному в нее человеческому усилию, дерзновению, таланту. За минуту, в течение которой какой-нибудь любитель спокойной жизни успеет несколько раз сладко зевнуть, уютно устроившись в кресле, прославленный рекордсмен может поставить мировой рекорд в беге на короткую дистанцию, а созданные гением наших ученых спутники пробегут за это время через несколько стран, морей, горных хребтов.

Нет, минута совсем не равна минуте и год никак не равен году!

Ну, прежде всего, год, который мы только что проводили, это еще и международный геофизический год, а в нем, как известно, не двенадцать, а восемнадцать месяцев: он начался в июле и кончился только в канун 1959 года.

Восемнадцать месяцев в «году» наши ученые, в мирном содружестве и соревновании со своими зарубежными коллегами, будут заняты изучением во многом еще неразгаданных процессов, происходящих как в самых высоких «небесных сферах», так и в самых глубоких, подземных недрах.

Год, который мы прожили, был поистине необычайным годом: в него самым чудесным образом вошли все четыре десятилетия нашей новой истории. В течение этого года каждый из нас заново перечитал, вспомнил, заново пережил все сорок лет, которые прошли от великой Октябрьской ночи до тех фантастических дней в октябре и ноябре минувшей осени, когда в небо взлетели советские звезды, поднятые на эту высоту всем, что было создано народом, нашей партией за эти годы...

Как режиссер, я не могу не испытывать удовлетворения от того, что наша сцена вместе с нашей живописью и кинематографом сделала в 1957 году немало для того, чтобы дать зримую жизнь истории этих незабываемых лет. На празднике театра, каким явился Всесоюзный театральный фестиваль, мы, сидя в зрительном зале, точ-

но в волшебной «машине времени», могли попасть и на далекие «маевки», где собирались герои горьковской «Матери», и вместе с Большим Кириллом, героем драматической поэмы И. Сельвинского, встречать Ленина на Финляндском вокзале, пережить вдохновение октябрьских штурмов и побывать в деревне двадцатых годов, вместе с персонажами леоновской «Золотой кареты» снова окупаться в атмосферу послевоенных дней и неожиданно увидеть в финале «Мистерии-буфф» изображение новорожденного спутника, летящего над «Земным шаром», составляющим оформление этого озорного спектакля в Театре сатиры.

Иногда эта волшебная «машина времени» театрального фестиваля уносила нас далеко за пределы нашего времени, и мы оказывались то в VII веке — в царстве легендарного азербайджанского полководца Джаваншира, то в V веке до нашей эры, где знакомилась с помощью режиссера Товстоногова с печальной, но гордой судьбой свободолюбивого баснописца Эзопа, и всюду, куда бы мы ни попадали, перед нами вставал Человек и его Время, народ и его борьба. «Судьба человеческая и судьба народная»... И в борьбе этой мы всегда получали современный урок, всегда извлекали мысли, насыщенные важными для нашего сегодня.

Минувший год был очень насыщенным театральным годом, про-

шедшим под знаком щедрого разнообразия исканий и находок художников нашей сцены.

От чистого сердца за новогодним столом мы, люди театра, подняли бокалы и за удвительную музыку Сергея Прокофьева, которую дал нам услышать в своем глубоком спектакле «Война и мир» театр Станиславского и Немировича-Данченко, и за немеркнущий талант Веры Николаевны Пашенной, после Вассы Железновой подарившей зрителям свое новое чудесное творение в спектакле Малого театра «Каменное гнездо». Мы могли поздравить наших товарищей по театру — лауреатов Всесоюзного фестиваля с тем, что все они разные и вместе с тем единые в главном; с тем, что хотя «Вечный источник» Б. Бабочкина не похож на «Власть тьмы» В. Равенских, психологически углубленная «Золотая карета» как будто бы находится на совсем другой театральной планете, чем, скажем, «Мистерия-буфф» В. Плучека, а сегодняшние театральные искания Ю. Завардного во многом отличны от того, что ищут на сцене Р. Симонов, Г. Товстоногов или А. Гинзбург. — все они, каждый по-своему, творят новую историю советского театра, смело расширяя рамки реализма нашей сцены.

Вспоминая сейчас прошедший год, думая о том, что принесет с собой год наступивший, мы не можем не вспомнить еще один фестиваль — молодой фестиваль мира, чьи разноязыкие голоса прозвучали в это лето в Москве.

Подобно тому, как минувший год смело нарушил наши привычные представления о времени, точно так же он бесконечно расширил границы пространства: весь мир оказался в Москве. Работая над двумя фильмами о фестивале, я увидел много чудесного в эти дни.

Но сегодня, в первые дни нового года, из всего многоцветного потока фестивальных впечатлений мне вспоминается один скромный, полный, как мне кажется, глубокого смысла эпизод. Это было накануне открытия фестиваля. На Киевском вокзале москвичи встречали делегацию из Туниса. На встрече присутствовало множество молодежи, приехавшей уже к этому времени из других стран, гремели оркестры. Бушевали аплодисменты. И вдруг на большой лестнице, ведущей с перрона к вокзальному выходу, появилось несколько женщин, бережно несущих колыбель. В колыбели спал смуглолицый мальчишка. Оказалось, что у тунисского художника Горджи накануне отъезда в Москву родился сын Шедли, и его совершенно не на кого было оставить. «Отважные» родители решили взять Шедли с собой на фестиваль. Маленькому тунисцу была устроена невиданная встреча. В колыбель полетели цветы. Оглушительно звенела оркестровая медь.

А Шедли спокойно спал, мирно покачиваясь в колыбели, которую несли женщины разных континентов.

Вступая в новый, 1958 год, мы прежде всего хотим, чтобы он был годом мира, чтобы завоеванное человеком небо было спокойным над всеми колыбелями Земли.

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

КОГДА в новогоднюю ночь время приближалось к двенадцати, каждый из нас то и дело поглядывал на часы, чтобы как-нибудь не пропустить в веселой праздничной суматохе торжественность минуты наступления Нового года, чтобы успеть, спешно разлив по бокалам шампанское, стоя выпить с друзьями, приветствуя его прибытие.

Новый год пришел к людям точно по расписанию, не опоздав за последние тысяча девятьсот пятьдесят семь лет ни на одну долю секунды. Что-то, а уж вечный ход времени, казалось бы, не может измениться никогда: минута — всегда минута, день есть день и год равен году. И вдруг оказалось — не равен!

Оказалось, что время — весьма относительная категория и зависит прежде всего от того, что в него вкладывает человек. В один и тот же сосуд можно плеснуть немножко мутной болотной водицы на донышко и можно наполнить его до краев прозрачной ключевой водой или драгоценным вином.

Механический отсчет минут и дней еще мало что определяет. Минута не равна минуте: она равна вложенному в нее человеческому усилию, дерзновению, таланту. За минуту, в течение которой какой-нибудь любитель спокойной жизни успеет несколько раз сладко зевнуть, уютно устроившись в кресле, прославленный рекордсмен может поставить мировой рекорд в беге на короткую дистанцию, а созданные гением наших ученых спутники пробегут за это время через несколько стран, морей, горных хребтов.

Нет, минута совсем не равна минуте и год никак не равен году!

Ну, прежде всего, год, который мы только что проводили, это еще и международный геофизический год, а в нем, как известно, не двенадцать, а восемнадцать месяцев: он начался в июле и кончится только в канун 1959 года.

Восемнадцать месяцев в «году» наши ученые, в мирном содружестве и соревновании со своими зарубежными коллегами, будут заняты изучением во многом еще не разгаданных процессов, происходящих как в самых высоких «небесных сферах», так и в самых глубоких, подземных недрах.

Год, который мы прожили, был поистине необычайным годом: в него самым чудесным образом вошли все четыре десятилетия нашей новой истории. В течение этого года каждый из нас заново перелистал, вспомнил, заново пережил все сорок лет, которые прошли от великой Октябрьской ночи до тех фантастических дней в октябре и ноябре минувшей осени, когда в небо взлетели советские звезды, поднятые на эту высоту всем, что было создано народом, нашей партией за эти годы...

Как режиссер, я не могу не испытывать удовлетворения от того, что наша сцена вместе с нашей живописью и кинематографом сделала в 1957 году немало для того, чтобы дать зримую жизнь истории этих незабываемых лет. На празднике театра, каким явился Всесоюзный театральный фестиваль, мы, сидя в зрительном зале, точ-

но в волшебной «машине времени», могли попасть и на далекие «маевки», где собирались герои горьковской «Матери», и вместе с Большим Кириллом, героем драматической поэмы И. Сельвинского, встречать Ленина на Финляндском вокзале, пережить вдохновение октябрьских штурмов и побывать в деревне двадцатых годов, вместе с персонажами леоновской «Золотой кареты» снова окунуться в атмосферу послевоенных дней и неожиданно увидеть в финале «Мистерии-буфф» изображение новорожденного спутника, летящего над «Земным шаром», составляющим оформление этого озорного спектакля в Театре сатиры.

Иногда эта волшебная «машина времени» театрального фестиваля уносила нас далеко за пределы нашего времени, и мы оказывались то в VII веке — в царстве легендарного азербайджанского полководца Джаваншира, то в V веке до нашей эры, где знакомился с помощью режиссера Товстоногова с печальной, но гордой судьбой свободолюбивого баснописца Эзопа, и всюду, куда бы мы ни попадали, перед нами вставал Человек и его Время, народ и его борьба. «Судьба человеческая и судьба народная»... И в борьбе этой мы всегда получали современный урок, всегда извлекали мысли, насыщенные для нашего сегодня.

Минувший год был очень насыщенным театральным годом, про-

шедшим под знаком щедрого разнообразия исканий и находок художников нашей сцены.

От чистого сердца за новогодним столом мы, люди театра, подняли бокалы и за удивительную музыку Сергея Прокофьева, которую дал нам услышать в своем глубоком спектакле «Война и мир» театр Станиславского и Немировича-Данченко, и за немеркнущий талант Веры Николаевны Пашенной, после Вассы Железновой подарившей зрителям свое новое чудесное творение в спектакле Малого театра «Каменное гнездо». Мы могли поздравить наших товарищей по театру — лауреатов Всесоюзного фестиваля с тем, что все они разные и вместе с тем единые в главном, с тем, что хотя «Вечный источник» Б. Вабочкина не похож на «Власть тьмы» Б. Раевских, психологически углубленная «Золотая карета» как будто бы находится на совсем другой театральной планете, чем, скажем, «Мистерия-буфф» В. Плучека, а сегодняшние театральные искания Ю. Завадского во многом отличны от того, что идут на сцене Р. Симонов, Г. Товстоногов или А. Гинзбург, — все они, каждый по-своему, творят новую историю советского театра, смело расширяя рамки реализма нашей сцены.

Вспоминая сейчас прошедший год, думая о том, что принесет с собой год наступивший, мы не можем не вспомнить еще один фестиваль — молодой фестиваль мира, чьи разноязычные голоса прозвенели в это лето в Москве.

Подобно тому, как минувший год смело нарушил наши привычные представления о времени, точно так же он бесконечно расширил границы пространства: весь мир оказался в Москве. Работая над двумя фильмами о фестивале, я увидел много чудесного в эти дни.

Но сегодня, в первые дни нового года, из всего многоцветного потока фестивальных впечатлений мне вспоминается один скромный, полный, как мне кажется, глубокого смысла эпизод. Это было накануне открытия фестиваля. На Киевском вокзале москвичи встречали делегацию из Туниса. На встрече присутствовало множество молодежи, приехавшей уже к этому времени из других стран. Гремели оркестры. Бушевали аплодисменты. И вдруг на большой лестнице, ведущей с перрона к вокзальному выходу, появилось несколько женщин, бережно несущих колыбель. В колыбели спал смуглолицый мальчишка. Оказалось, что у тунисского художника Горджи накануне отъезда в Москву родился сын Шедли, и его совершенно не на кого было оставить. «Отважные» родители решили взять Шедли с собой на фестиваль. Маленькому тунисцу была устроена невиданная встреча. В колыбель полетели цветы. Оглушительно звенела оркестровая медь.

А Шедли спокойно спал, мирно покачиваясь в колыбели, которую несли женщины разных континентов.

Вступая в новый, 1958 год, мы прежде всего хотим, чтобы он был годом мира, чтобы завоеванное человеком небо было спокойным над всеми колыбелями Земли.

Bergmann
"2.1.58."